

У

Андрей Бехтерев

РЕВОЛЮШЕН

Андрей Бехтерев

Революшен

«ЛитРес: Самиздат»

2003

Бехтерев А.

Революшен / А. Бехтерев — «ЛитРес: Самиздат», 2003

В начале 21 века два друга, живших в Тольятти, решили совершить революцию против современной цивилизации. Они напечатали программную статью в местной газете, создали революционный комитет, расклеили рекламу по городу, провели митинг. Затея была глупой до нелепости и закончилась бы всё ничем, если бы в городе не началась серия убийств, выполненных в стиле революционной рекламы. Друзья стали главными подозреваемыми...

Содержание

ЧАСТЬ 1. Провокация	8
Конец ознакомительного фрагмента.	26

В 50-х годах 20-го столетия на реке Волге, чуть выше Самары, была построена гидроэлектростанция. Волга разлилась на сотни километров вверх по течению. По правый берег были Жигулевские горы, по левый – степь, поэтому вся вода ушла влево. Помимо всего прочего, был затоплен небольшой городок под названием Ставрополь на Волге, затоплен целиком от первой до последней улицы. От почти 200-летней жизни не осталось и следа. Все что хоть как-то могло торчать из воды, вроде местной церкви или пожарной вышки, было благоразумно взорвано. Городок утонул. Образовавшийся водоем назвали Жигулевским Морем. Это действительно было море. Расстояние между берегами стало достигать 20 километров. Турбины гидроэлектростанции закрутились. По проводам побежало электричество. На берегу новорожденного моря стали строить город, взамен ушедшего на дно. Город был построен на 3 счета, по количеству решений коммунистической партии. В результате было построено 3 района: Комсомольский – рядом с ГЭС, Центральный район или «Старый город» и Автозаводской район или «Новый город». «Новый город» стал спальным районом для работников, построенного в чистом поле крупнейшего в Советском Союзе автомобильного завода. Завод строился по проекту итальянского "Фиата". Именно этот завод, с конвейера которого стали сходить "Жигули" и "Лады" сделал новорожденный город многолюдным и перспективным. Самому городу было присвоено загадочное имя – Тольятти. В этом городе, в начале 21 столетия, жили-были два друга Алеша Боткин и Сергей Колчак.

Ребят познакомили сестры. Со старшей сестрой общался Сергей, с младшей – Алеша. С сестрами у ребят не сложилось, зато друг с другом завязалась дружба. Сергей к тому времени уже закончил местный филиал Московского гуманитарного института и работал журналистом – сначала в муниципальной газете, потом в первой частной газете с забавным названием "Площадь Свободы". Алеша был на 3 года младше Сергея. В то время он только поступил в местный технологический институт на художника-конструктора. У ребят было много общего. Они слушали одну музыку, смотрели одни фильмы, читали одни книжки. Когда сестренки остались в прошлом, Сергей предложил Алеше вместе заняться бизнесом. Алеша был не против.

Как позже выяснилось, у Сергея были своеобразные понятия о бизнесе. Он не просто хотел открыть магазинчик, затарить его продуктами и следить за периодически трезвой продащицей. Сергей хотел заработать деньги творчески, за счет, так называемого, креатива. Работа в газете была Сергею скучна. Денег платили немного. Хотелось веселья.

Их первым совместным проектом был тольяттинский молодежно-порнографический журнал под сложным названием "Вставь и крути". Первый номер этого странного журнала стал последним. Статьи о Radiohead и Тарантино чередовались голыми девушками made in Togliattu и кроссвордами. На обложке журнала была фотография разбросанного женского нижнего белья. Под фотографией была подпись: "остальное на развороте". Хозяйка белья на центральном постере лежала в ванной, романтично растопырив ножки. Все статьи в журнал написал Сергей. Фотографии сделал Алеша. На роль porno superstars удалось заманить двух знакомых студенток. Что бы их не узнали, девушки фотографировались в черных очках. Что бы черные очки выглядели естественно, девушкам надели на голову черные котелки, которые Сергей стащил из студенческого театра. Эротика получилась очень горячей, с мазохистским оттенком. По качеству снимки вышли неплохо, но дальше начались проблемы. За верстку журнала взялся Алеша. Он в срочном порядке изучил пару программ компьютерной графики, пролистал московские журналы и решил удивить весь мир необычным дизайном. Макет получился совершенно безумным, но это было еще полбеды. Главной проблемой оказались фотографии. Алеша обработал их неправильно, в результате чего фотографии по цвету получились весьма своеобразно. Начинающие тольяттинские порнозвезды были красно-бурыми, с синими тенями в интимных местах. Кроме того, цветовая гамма, над которой Алеша долго возился, и которая была для него, несмотря ни на что, предметом гордости, совершенно сбилась. Вместо оранжевого был напечатан синий, вместо "удивительно-небесно-голубого" – обыкновенный зеленый.

Алеша с Сергеем, напившись для храбрости до полусознательного состояния, пошли в типографию на разборки. Там их нагрузили абракадаброй из технических терминов. Единственное, что ребята поняли, что перепечатывать тираж никто не будет. За счет рекламы начинающие бизнесмены окупили журнал чуть больше, чем на половину. Раздать долги и заработать они собирались за счет продаж, но журнал продаваться не стал. Из 5 тысяч экземпляров было продано пять. Сергей больше сотни экземпляров бесплатно раскидал по почтовым ящикам. Надо же было кому-то отомстить. Непроданные журналы около года провалялись у Алешы в спальне. Позже они были вывезены на свалку. Сдавать журналы в макулатуру ребята постеснялись. Долги у них были серьезными. К счастью, Сергей в то же самое время изловчился получить гранд местного общественного фонда на издания газеты для инвалидов. Им выделили 10 тысяч долларов. Ребята раздали долги, списав деньги на покупку компьютера, который уже был у Сергея, на заработную плату трем журналистам, двум дизайнерам и на покупку базы данных местных инвалидов. Базу данных Сергей стащил из газеты, в которой продолжал работать. Придумывать фамилии дизайнерам и журналистам было забавно. Они благополучно выпустили 3 номера одной из самых бессмысленных газет в истории масс-медиа, потом с помощью дипломатии и обеда в ресторане "Big Ben" закрыли гранд. В результате, сведя дебет с кредитом, оказалось, что они заработали по 10 долларов за 3 месяца напряженной работы.

Потом были другие проекты. У Сергея постоянно была солидная куча идей. Главным недостатком его проектов было стремление к оригинальности, которое обычно приводило к грустным результатам. После эпопеи с журналом и газетой они взялись организовать тольяттинский продюсерский центр для раскручивания начинающих звезд. Деньги рассчитывали получать со спонсоров девушек, а в перспективе планировалось наладить оптовые поставки голосистых волжанок в Москву. Сергей, умеющий играть на гитаре и без проблем рифмующий тексты, сочинил несколько принципиально попсовых песенок и завязал контакты со звукозаписывающей студией. Но с девушками-звездами получился напряг. У всех трех, откликнувшихся на объявление девушек вокальные данные отсутствовали. Словно сговорившись, едва слышав стук барабанов, девушки вскакивали на ноги и начинали танцевать, размашисто качая бедрами. Дело даже было не в нотах, в которые они и не собирались попадать. Дело было в безнадежно глупых улыбках, которые свидетельствовали о том, что деньгами здесь не пахнет. Это привело ребят в уныние. Проект был закрыт, не открывшись. Сергей записал свои песни самостоятельно и послал в Москву на радио. Ответа не последовало. Да его и не ждали. У Сергея родился новый проект. Он оказался наиболее удачным с финансовой точки зрения. Проект имел название "Ваш номер здоровья". Это было чистой воды творчество. Сергей придумал и вместе с Алешей разработал новую теорию сбалансированного питания и поведения. Для того, что бы правильно себя вести, каждый человек должен был сосчитать свой индивидуальный номер от 1 до 99. Этот номер получался в результате складывания 9 компонентов. Компоненты были собраны беспорядочным способом. Свой номер был у цвета глаз, волос, длины указательного пальца, размера бюстгалтера для женщин и длины полового органа для мужчин и так далее. Потом цифры надо было сложить. В результате получалось число и с помощью таблицы человек мог узнать свой номер. Дальше было просто. Сначала шло подробное объяснение, кто ты такой есть. Потом шли предписания. Каждому номеру предписывалась своя еда, напитки, манера себя вести, какие камни носить, какие слова говорить, что бы вызвать благосклонность начальства или страх у бандитов и так далее. Все результаты само собой были получены "в результате многолетних исследований новосибирских физиков-ядерщиков и случайно украдены из архивов КГБ". Рекламу этой работы и несколько отрывков Сергей Колчак опубликовал в "Площади Свободы". Статья имела неожиданно большой резонанс. Было получено более 10 писем от желающих приобрести этот труд. Почувствовав удачу, Сергей дописал книгу, поехал в Москву и предложил свою работу в одно из издательств. В Москве его встретили благосклонно, внесли правки, подписали договор и заплатили 3 тысячи долларов. Через

месяц книга была издана 50 тысячным тиражом. Сергей выкупил часть тиража по оптовым ценам и, продав в Тольятти, заработал еще 100 баксов.

Алексей Боткин тем временем стал работать фотографом. После института он купил себе старенький "Nicon" и понеслось. Сначала получать заказы ему помогал Сергей. Съемки были репортажными. У Алеши получалось неплохо. Потом Алеше подвернулся рекламный заказ. Ему предложили снимать печенье одного из местных производителей. Алеша провозился с заказом больше недели. Печенья никак не хотели получаться аппетитными. В конце концов, объевшись печенья до тошноты, Алеша отдал заказчику то, что получилось. Заказчик, как ни странно, остался довольным. Но Алеша понял, что для профессиональной съемки нужна студия. Порывшись в специализированных журналах и в интернете, он обнаружил, что цены на фотографические аксессуары на порядок выше, чем на саму камеру. Но это не убавило Алешиной решимости. На первые свободные деньги он купил объектив для портретной съемки. В одной из комнат, доставшейся ему по наследству 2-х комнатной квартиры, Алеша из подручных средств сделал некое подобие фотостудии. Он смастерил отражатели, зонтики, самостоятельно собрал фотовспышку. Потом Алеша с подсказки Сергея собрал портфолио с лучшими своими работами и прошелся по многочисленным местным рекламным агентствам. Он предложил скромные цены и с ним стали охотно сотрудничать. Заказы стали постоянными. Алеша выполнял их все лучше и лучше. Постепенно он стал повышать цены, купил себе фирменные вспышки, экран, экспонометр, еще два объектива и, в конце концов, цифровую камеру. Он фотографировал ювелирные изделия, пиво, коньяк, автомобильные детали, картины художников, мебель и так далее. Позже он стал сотрудничать с одним из модельных агентств, фотографировал девушек. Помимо этого он продолжал работать на улице: занимался репортажной съемкой, снимал здания, город. Также Алеша фотографировал для себя. Он любил экспериментировать с цветом, предметами, композицией. Сначала он считал это частью своей работы, но постепенно это превратилось в манию. Он мог часами сидеть со своей камерой и переставлять предметы в разноцветных лучах...

ЧАСТЬ 1. Провокация

– Садитесь.

Сергей, раздраженно покрутив головой, сел на предложенный стул.

– Сергей Николаевич Колчак? – спросил майор Ковальчук, раскладывая бумаги.

Сергей кивнул.

– По профессии, журналист?

Сергей кивнул еще раз.

– Так, "Площадь Свободы", "Тольятти менеджер", "Премьер Эксперт", газеты, журналы, личная жизнь не организована, не судимы пока еще, родители, мама с папой, проживают в поселке Поволжский, снимаете комнату на бульваре Кулибина в квартире Натальи Федоровны Гуссерль уже 2 года, прописаны в заводском общежитии, – майор перевернул листок, – закончили филиал Московского гуманитарного института по специальности "организатор социальной работы", но работаете не по специальности. Любопытно почему?

Сергей не ответил.

– Вы хотя бы кивайте, – усмехнулся майор.

– За что меня арестовали? – спросил, наконец, Сергей.

– Не за что, а почему.

Сергей не улыбнулся.

– У вас интересная фамилия. Вы случайно не родня того белого генерала?

Сергей не ответил.

– Хорошо, – перестав ухмыляться, сказал майор, – давайте начнем конструктивный диалог. Вы арестованы по подозрению в убийстве.

Сергея передернуло.

– Какое убийство? – выдавил он.

– Два дня назад, в Новом городе, в подъезде 9-и этажного дома, Ленинский проспект, 61, был убит Федорчук Иван Игоревич, 1953 года рождения, отец двух детей. Убит при странных обстоятельствах. Вам знаком этот гражданин?

Майор протянул фото. На фотографии в луже черной крови лежал человек. Майор протянул еще одну фотографию.

– А это он в жизни. В прошлой жизни.

Сергей посмотрел на фото немолодого человека с усами. Он его видел в первый раз.

– Я его не знаю, – сказал Сергей, – скажите, наконец, причем здесь я. Что за ерунда? Какие улики?

– Вы хотите улики? – улыбнулся майор. – Законное желание. Законное желание надо удовлетворять. Лишь бы законное желание нас не желало. У нас есть улики, иначе вы бы не сидели в 2 часа ночи в моем кабинете с перспективами на занимательное будущее. У нас есть улики, гражданин Колчак. Только не говорите, что вам и это фото не знакомо.

Майор протянул другую фотографию. На этот раз изображение было Сергею знакомым. На фотографии была греческая буква "пси", написанная на зеленой стене. 2 месяца назад объявление с очень похожей фотографией было опубликовано в журнале "Тольятти Менеджер".

– Это написал убийца на месте убийства, причем кровью убитого, – сказал майор.

– Мне этот символ знаком, – сказал Сергей, подняв глаза на следователя.

– Господин Федорчук работал психологом. Более того, у него был свой психологический центр под названием "Эйдос". Вам что-нибудь говорит название?

– Да. Я что-то слышал.

– Вы были там? – уточнил майор.

– Нет. Никогда.

– Тем не менее, вы теперь больше осведомлены о вашей вине?

– Нет, – сказал Сергей, – я понял, к чему вы клоните, но я не имею никакого отношения к этому убийству. И ваши подозрения не остроумны.

– А зачем мне быть остроумным, я, слава Богу, не журналист. А то, вы лично убили господина Федорчука или один из ваших учеников, это сейчас не так уж и важно, важнее, на мой взгляд, сейчас это.

Майор бросил на стол вырезанное из журнала рекламное объявление. На объявлении была похожая стена. Кровью на стене была написана греческая буква "Пси", а внизу – слоган: "Буква, которая нас убивает".

Сергей даже не стал смотреть объявление.

– Да – решительно сказал он – это мы, то есть я сделал и разместил это объявление, но это не реальное фото. Это сделано в Photoshoper. Да и мало ли кто и где пишет. К тому же эти две картинки похожи только внешне. Согласитесь, что смысл у них разный?

– Не соглашусь, – ответил майор.

Сергей недовольно покрутил головой.

– Если это все ваши улики, то вы здесь держите меня не законно, – пробурчал Сергей.

– Хотите, что бы вас тут держали законно? – спросил майор. – Тогда продолжим.

Майор положил на стол еще одну фотографию. На фотографии был рекламный щит. На щите было написано "Убей психолога", а внизу мелкими, сливающимися, буквами было приписано "в себе".

– Вам знаком этот щит? – спросил майор.

Сергей кивнул.

– Вы – автор?

Сергей кивнул.

– Вы повесили сие произведение декоративного искусства в центре города?

– Да, я, – сказал Сергей.

– Это призыв убивать психологов или я что-то не так понимаю?

– Я не виноват, что нам разрешили это повесить.

– Вы прекрасно знаете, что вам никто не разрешал, – тон майора стал жестким. – Вы повесили этот щит, как рекламу. Люди гадали чья эта реклама, пока вы не подписались. Ваш щит был настолько нелепым, что антимонопольный комитет две недели был уверен, что это реклама водки. Наш покойный психолог был одним из организаторов письма протеста в мэрию. В этом письме было требование запретить вашу рекламную кампанию. Это было полтора месяца назад. После запрета рекламы в СМИ, вы стали устраивать митинги против психологии и психологов. Ваша организация стала гораздо более многочисленной. 15 человек – это уже толпа, если набить ею камеру предварительного заключения. Буквально 5 дней назад в городском парке был проведен ваш очередной митинг, и в тот же день – ваша мечта сбылась. Один из психологов был убит и на стене появился знакомый нам знак. Вы ничего не хотите мне сказать?

– Кто-то нас, то есть меня подставил, – сказал Сергей.

– То есть какой-то негодяй решил оклеветать вашу непорочную организацию?

– По-моему это очевидно.

– А по-моему нет. Очевидно, когда смотришь в дверной глазок и видишь жену с лучшим другом. Здесь же, очевидно совсем другое. Очевидно, что незарегистрированная организация под названием "Революционный комитет", возглавляемая Сергеем Николаевичем Колчаком, вполне могла решиться на такое преступление. Хотя бы в целях столь любимой вами саморекламы.

– Мы не делали ничего противозаконного, – повторил Сергей, но уже без прежнего раздражения.

– Ладно вам. Что это, как не призыв к насилию, – майор кивнул на фото, – вы знаете, что наша дорогая Конституция запрещает любые призывы к насилию, будь то на национальной, религиозной, и всех прочих почвах, а Уголовный кодекс это запрещение подтверждает совершенно конкретным сроком. Впрочем, я думаю, вас этим не напугать. Вы же революционер, а революционеры любят пострадать за свои великие дела.

– Вы, действительно, считаете, что я причастен к убийству? – растеряв весь свой пыл, спросил Сергей.

– А почему бы и нет? Убитый – ваш классовый враг. Вы же решили устроить всемирную революцию в отдельно взятом микрорайоне. Рекламу вашу запретили. Ваши митинги не более чем пионерские утренники и вы решились на отчаянный шаг. Убить ни в чем неповинного отца двух детей. По-моему логика отсюда так и прет всеми ребрами. Если дело дойдет до суда, вам придется косить под шизофреника, если вы конечно, не дурак.

– Перестаньте, – сказал Сергей, махнув рукой. – Действительно все не очень хорошо выглядит, но должны быть хоть какие-нибудь доказательства. Нельзя же осуждать просто так, из-за того, что это логично.

– Почему нельзя? – усмехнулся майор. – Доказательства можно и придумать. Главное – мотив.

– Но это же не единственный мотив, к тому же он не очень-то и складный, – загорячился Сергей, – точнее вообще ерунда. Мы, то есть я, сделал эту надпись: "Убить психолога", только для того, что бы привлечь внимание на проблему. Это совершенно абстрактная проблема, не имеющая отношения к конкретным людям. Убийство здесь не имеет смысла. Вы так не считаете? Тут скорей всего, что-нибудь на деньгах закручено, а меня для отвода глаз подсунули. Может быть, это родственники из-за квартиры убили. За что сейчас убивают?

Майор усмехнулся.

– Я не хочу никого обвинять, – сказал Сергей, покраснев. – Это ваша профессия, расследовать, узнавать. Просто я хочу, что бы вы разобрались с этим делом по-настоящему.

Майор улыбнулся.

– Я уже разобрался, – сказал он, смягчив тон, после чего достал из пачки сигарету и закурил. – Будете курить? – спросил он Сергея.

Сергей кивнул. Они некоторое время сидели в тишине, выпуская клубы дыма.

– Ладно, – сказал майор, туша сигарету, – начнем другой разговор. Допустим, что я не обвиняю вас в убийстве. Сейчас не обвиняю. У меня нет желания держать вас здесь всю оставшуюся жизнь. Мне просто нужно, что бы вы мне объяснили, что все это значит. Потому что кроме вас, это, похоже, никто не знает. Я имею в виду вашу революцию и вашу психологию. Мне даже пришлось прочитать вашу знаменитую статью. Честно говоря, ничего страшного я в ней не нашел, да и интересного тоже. Но дело в том, что это убийство не просто – зарезали и фиг с ним. Это странное убийство. Это ритуальное убийство. И что бы вы о себе не думали, это убийство напрямую связано с вами, с вашими идеями, с вашей организацией.

– Как его убили? – спросил Сергей.

– Я расскажу вам, – сказал майор. – Его убили необычно. Удар был сильный, сзади, острым предметом, похожим на нож, но нестандартной формы. Может быть, коса, но маленькая. У стандартной косы – лезвие гораздо шире. Удар был нанесен на лестнице, в пролете между вторым и третьим этажом, когда психолог поднимался в свою квартиру после трудового дня. Смерть была мгновенной. Психолог упал на ступеньки и разбил себе нос. Это результаты медэкспертизы. Но это нормальные факты. Теперь, что касается загадок, которых оказалось слишком много. Во-первых: надпись на стене с греческой буквой "пси" была нанесена кровью убитого. Но, – майор Ковальчук выдержал паузу, – надпись была сделана за час до убийства. Господин Федорчук находился в это время на работе. Кто и как мог взять у него кровь – загадка. Мы навели справки – психолог кровь сдавал полтора года назад. Смертельная рана была един-

ственной обнаруженной на его теле. Согласитесь, не очень весело звучит. Во-вторых: свидетели. Мы нашли двух свидетелей происшедшего. Молодой человек с девушкой сидели на лавке перед подъездом. Они видели, как психолог вошел в подъезд. Девушка спросила психолога, сколько времени. Психолог приветливо ответил. Это было за минуту до убийства. Никаких признаков тревоги у будущего трупа не было. Он просто зашел в свой подъезд. Спустя минуту, из подъезда вышел неизвестный господин, при виде которого девушка испытала не объяснимый ужас. Ее напугал внешний вид господина. Господин был в черном, насколько это можно определить в темноте, балахоне. В балахоне, который сейчас не носят. "Словно артист" – сказала девушка. На голове у таинственного господина был капюшон, что странно для лета. Господин был очень высоким, выше двух метров. Но девушку, прежде всего, испугал взгляд этого господина. Она встретилась с ним взглядом. "Ходячий ужас, – сказала нам девушка. – Кажется, схватит за шкуру и в ад утащит". В – третьих: рядом с трупом мы обнаружили "барсетку", принадлежащую убитому. Деньги, ключи, документы были на месте. Но в паспорте была срезана фотография, очень аккуратно, словно ее вообще там не было. И наконец, в-четвертых: вчера на e-mail нашего отделения было получено письмо, адресованное лично мне. В письме было следующее – Следователь вытащил из папки распечатку, надел очки и прочитал: – "Если это игра, то смерть будет задавать правила. Мертвые лица, как нить Ариадны. Без них ты заблудишься в темноте. Я не хочу, что бы ты шел наощупь." Подписи нет. Обратный адрес: 367@yandex.ru. То есть на общероссийском сервере и отправлено письмо могло быть, откуда угодно. Мы сейчас пытаемся определить номер телефона, по которому снимают почту с этого ящика, послали запрос в Москву. Такие дела. Что скажите?

Сергей выслушал следователя очень внимательно.

– Впечатляет, – сказал он, наконец.

– Мне нужна ваша помощь. Я прочитал вашу статью в "Площади Свободы", но мне этого недостаточно. Объясните мне, пожалуйста, почему "революция"? С чего это вы вдруг решили создать в нашем городке непонятый революционный комитет? За что вы боретесь? Я сейчас смотрю на вас и мне кажется, что вы просто пионер-экстремал, который решил поиграть в войнушку. Тем более в армии вы не служили, а горяченького шила в зад охота попробовать. Расскажите, с чего все началось. Не думайте, что вы кого-то сдаете. Я прекрасно осведомлен обо всех ваших соратниках, о вашем старинном друге Алексее Боткине, помогавшему вам революционизировать, о вашей новой девушке в красном бюстгальтере по имени Света. Я знаю, кто кого фотографировал, кто придумывал ваши убийственные слоганы. Я знаю, что вас финансировал некто Матвей Синицин, который был одним из владельцев автомобильной фирмы "Варшава". Я знаю, что в вашей организации сейчас 15 человек. Я знаю всех их пофамильно. Я знаю, что некто Павел Павлюк, 18-летний студент – главный активист у вас, но вы его недолюбливаете.

– Откуда у вас столько информации? – удивленно спросил Сергей.

– За вами следят, – улыбнулся майор. – И не потому что вы такие криминальные типы, а потому что, так полагается. За "революционными комитетами" необходимо следить по определению.

– Кто-то из наших – стукач?

– А вам не все равно? – спросил майор.

– Нет.

– А мне все равно. Вернемся к главному, если вы, конечно, не хотите задержаться в нашем гостеприимном заведении.

Сергей кивнул, потом еще раз кивнул.

– Можно еще сигарету, – спросил он. Следователь с готовностью протянул пачку.

– Вы читали мою статью? – спросил Сергей, наконец.

– Да – ответил следователь

– В ней все сказано...

**СТАТЬЯ опубликованная 12 апреля в газете "Площадь Свободы".
"Революция по-тольяттински".**

В нашем городе недавно была создана новая молодежная организация под громким названием "Революционный комитет". Политическая платформа новой организации весьма оригинальна. Главной целью своей борьбы, они объявляют борьбу с психологией. Именно психология является их классовым врагом. Сегодня мы беседуем с одним из лидеров новой организации Сергеем Колчаком.

– *Почему психология? Чем обусловлен столь неожиданный выбор?*

– Это длинная история. Если в двух словах, то психология – это своего рода кислота, которая разъедает нашу индивидуальность, делает нас похожими, приводит нас в соответствие к определенному стандарту. Она расписывает нас по составляющим, рассовывает по колбочкам и полочкам. Психология имеет нас через рекламу, через фильмы, через СМИ. Тот клочок пространства, который оставляют нам психологические технологии становится все меньше и, будьте уверены, скоро он совсем исчезнет. Не останется ничего кроме наших обратных рефлексов: съел пирожок – утри слюни.

– *Но вы же не можете отрицать, что психология помогает людям?*

– Что значит помогает? Нам обрубают лишнее, стандартизируют, ломают все наши крылышки и копытца и, конечно, в результате такой обработки мы начинаем более проворно забираться в общественный транспорт. Вас такая помощь устраивает? Нас – нет. По-моему цена чересчур завышена.

– *Вообще-то весь прогресс основан на стандартизации.*

– В том-то и дело. В жертву абстрактного прогресса, мы готовы отдать все живое, что в нас еще есть.

– *И как вы себе представляете человека вне психологии или человека без психологии. Что будет с нами, если вы вычеркните психологию из наших учебников. Человеку станет лучше?*

– Лучше – это еще не значит, что хорошо. Нас расчертили, мир расчертили, науки плодятся, как кролики. Имеем мы результаты? Конечно. Конвейер – да, телевизор – да, хлеб? – кушай, зрелище? – пожалуйста. А что с нами самими? Нас остается все меньше, и меньше. Мы разбиты по гороскопам, по типам характера, по типам личности, по IQ и EQ. У нас общественный статус, у нас потребительские корзины. Скоро будет достаточно заполнить анкету на двух страницах А4 формата, что бы человек поместился в ней во весь свой рост. Отпечатков пальцев не нужно будет. И это не потому, что психологи нашли универсальную формулу, а потому что человек сдулся до формул. А если что-то и осталось снаружи, то добро пожаловать к психологу. Он тебе расскажет, что ты ни в чем ни виноват, отчистит от детских переживаний, от прочих уродств, отведет тебя назад в стойло, включит телевизор и жуй себе солому. Если это не поможет – добро пожаловать к психиатру. Там уж тебе распутают и вены и извилины.

– *Подождите, мне кажется, вы увлеклись. Что бы вы ни говорили, но психологи помогают людям жить. Они, действительно помогают людям выжить в нашем суровом мире.*

– Помогают избавиться от самих себя?

– *А разве не наоборот? Не раскрывают человека, как личность, снимают комплексы, раскрывают истинную индивидуальность?*

– Человек может раскрываться как личность, только когда он – личность, а ни когда ему подобрали нужную маску. Раньше человек исповедовался перед Богом, теперь перед психологом. Человеческую душу переваривают и превращают в дерьмо. Это формула изначально для психологии. Таким патологическим сволочам, как Зигмунд Фрейд, вручили на тарелочке карт-бланш, скальпель, на то, что бы он со своими грязными туфельками, и, потными от извра-

ценности, лапками, влез в наши души. Он переварил нас полностью. Он переварил все, что в нас действительно есть, все, в чем мы действительно интересны. На входе – индивидуальность, на выходе – здоровье. Здоровье – это счастье, здоровье – это вера, надежда и любовь. Вам не муторно от этого? Человека свели к пошлости, человек стал пошлостью. Человека не стало. Осталась только его сексуальные переживания. "Человек выпрыгнул с балкона из-за Эдипова комплекса. Аминь". Эти умники сводят душу к следствиям. "Маша не дала – написал Героическую симфонию, Надя дала – написал "Фауст". Человек ради здоровья превратился в дерьмо, только потому, что дерьмо меньше болеет. Нет души, есть куча рефлексов, навозная куча рефлексов. Человека разложили по частям и части пожрали целое. Bravo, господин Фрейд. Человечество превратилось в ваше дерьмо. Вы сделали это. А, по-моему, ради таких докторов, как Фрейд, стоило бы придумать инквизицию. И я думаю скоро инквизиция вернется. Огоньки уже загораются.

– Но вы же не можете отрицать, что за счет современной науки мы достигли большого прогресса. Люди меньше стали страдать, стали комфортней жить. Разве это не достижения?

– Нам просто не с чем сравнивать собственные достижения. Кроме наших достижений ничего нет. Поэтому, все, что нам дают, мы считаем достижением. Но если каждый из нас делает всего два шага вверх, то, что от нас останется? Всего два шага не в том направлении и нас уже нет. Вам не страшно? И что делать нам, тем, которым страшно, тем которым, действительно, страшно?

– И что же вы предлагаете? Как вы собираетесь выразить свой протест?

– Мы не собираемся выражать протест. Когда тебя бьют в морду, вся твоя индивидуальность сводится к удару в ответ или бегству. В протесте, может быть, меньше индивидуальности, чем в терпении или бегстве. Какой смысл протестовать против Америки, против McDonald'sa и CNN, против всей этой херни? Тот, кто протестует – не существует без своего врага, тот уже побежден.

– Хорошо, хорошо. Вы очень красноречивы. Допустим, что я понял вашу позицию, но давайте вернемся к слову "Революция". Слово красивое, но непонятное. В чем именно вы видите свою революцию? Неужели только в борьбе против психологии?

– Нет. Просто психология является слабым звеном нашего времени, современного мира. А мы не любим современный мир, не любим, потому что он слишком уж современен. Хотелось бы сбить с него однозначность. Но это сложно сделать воюя в лоб в лоб. Поэтому на помощь приходит тактика. Психология, по нашему убеждению, слабое звено современного мира. Поэтому мы боремся с психологией. Мы хотим увидеть будущее, новую эпоху. Хотим прикоснуться к ней. Отвечая на ваш вопрос: наша борьба – есть борьба против современной цивилизации. Мы хотим ее разрушить.

– Я все время слышу слово "против", интересно было бы узнать, за что вы боретесь? Что вы собираетесь построить, разрушив нашу цивилизацию?

– Это сложный вопрос. Дело в том, что мы воспринимаем психологию и все сопутствующие ей идеологии, ни как определенного врага мешающего нам достигнуть Страны Обетованной. Нет, для нас цивилизация – это стена, забор, сквозь, который ничего не видно. Нас размазало по этому забору. Мы стали плоскими, как наклеенные на стенку, постеры. Мы хотим сделать дырку в заборе, потому что, кроме забора ничего не осталось. Поэтому главное для нас это разрушить забор. Я просто хочу увидеть будущее.

– И на что оно будет похоже?

– Мне самому интересно.

– Ваша революция по масштабу должна быть всемирной?

– Конечно. Любая революция всемирна.

– То есть ваш революционный комитет должен стать всемирным?

– Не обязательно. Даже наоборот. Эта стена всюду. Если она треснет в одном месте – она треснет везде.

– *Всемирная революция в отдельно взятом городе?*

– Да. И вы напрасно ухмыляетесь. Все всемирные революции происходят в отдельно взятых городах.

– *Вы действительно верите в свою победу?*

– Да. Дайте мне тысячу баксов и я переверну мир...

Сергей прошел на кухню, по-хозяйски открыл холодильник и достал банку пива. Алеша в трусах и майке просеменил следом и сел на табуретку. Было 11 утра. Алешу подняли с кровати. Он еще не умывался. Сергей отхлебнул пива и решительно произнес:

– Революция.

– В смысле? – не понял Алеша.

– Просто революция. Я вчера объявил революцию. Читай.

Сергей протянул другу свежий номер "Площади Свободы" со статьей "Революция по-тольяттински". Алеша прочитал заголовок, посмотрел на подпись и убедился, что это написал его друг.

– Сейчас читать? – спросил Алеша.

– Не обязательно, – ответил Сергей, – прочитаешь на досуге. Тебе неслыханно повезло. Сам автор этого фундаментального интервью стоит перед тобой и готов лично тебе объяснить тайный смысл произнесенного.

– Ко мне через два часа должен клиент прийти, и я хотел бы к тому времени отчистить от тебя помещение. Надеюсь, ты не надолго.

– На всю твою оставшуюся жизнь. На сколько клиент?

– На штуку-полторы баксов, – сказал Алеша. – Правда, я не понял, что он хочет.

– Деньги симпатичные. Мужчина?

– Судя по голосу – да. Что еще за революция? Кто у нас нынче буржуи?

– А ты угадай?

– Бандиты-капиталисты?

– Бери выше, – сказал Сергей.

– ГосДума, и прочая фигня, типа Путина?

– Бери выше, дорогой.

– Хорошо. Америка и гамбургеры?

– Выше, выше и выше. Ладно. Не насилуй мозги, – радостно произнес Сергей. – Просто история заканчивается, приходит Новый Мир, абсолютно другой, без рекламы, Интернета и прочей виртуальной хрени, без Америки, без глобалистов, без пацифистов, без всех альтернатив на 2 квадратных метра свободы. Через полтора шага вся многовековая цивилизация легким движением руки смоеется в унитаз?

– Может быть и так. Ты-то здесь причем? – усмехнулся Алеша.

– Дело в том, что история любит героев. Я записался добровольцем. Я написал статью, в которой провозгласил революцию и эта статья напечатана. Отсчет пошел.

– Ты знаешь, какой тираж этой газетки?

– Тираж, дорогой мой Алеша, это терминология вчерашнего времени.

– Подожди. Я тоже возьму пиво, а то что-то не очень въезжаю в твое словоизвержение. Алеша достал себе банку джин-тоники.

– Слушай дальше, – увлеченно продолжил Сергей. – Цивилизации умирают не оттого, что они стали старыми – больными и у них больше ни на что не встает. Цивилизации умирают, потому что им на смену приходит нечто новое, более сильное. Моя статья направлена не против сегодняшней цивилизации. Она призывает к будущему, которое уже совсем рядом. Оно уже есть,

но оно за забором, за высоким и крепким забором. Я просто начинаю долбить в этот забор. Со всей дури, но не бессмысленно. У меня было откровение. Я нашел слабое звено нашей цивилизации. А когда бьешь по слабому звену, вероятность успеха возрастает в миллион раз.

– Что такое слабое звено? – спросил Алеша, пытаясь въехать в новую причуду друга.

– Слабое звено – психология. Я стукнул и жду ответа.

– Понятно, очередная околесица. Думаешь, заработаем копейку? – спросил Алеша.

– Может быть, копейку, может быть, две. Тебе никогда не хотелось вскарабкаться на волну? Знаешь, как я подписался в этом интервью? Глава Революционного Комитета.

– Круто, – засмеялся Алеша. – Надеюсь, это виртуальный комитет или у тебя уже толпа продвинутых уродов.

– Пока весь народ это – я. С народом много хлопот. Думаю, громкого имени будет достаточно.

– А как же революционные массы?

– Так это не та революция, где массы, – убежденно сказал Сергей. – Это просто провокация, удар головой об стенку. Не надо никаких мальчишей -кибальчишей. Достаточно статьи в газете. Просто маленькой статьи, которая за шкуру вытащит джина из бутылки. Что бы вытащить джина достаточно потереться о стекло. Представь себе, ты да я и всемирная история – на одном развороте. Не возбуждает?

– Я-то здесь причем? – спросил Алеша.

– Так я же сказал, что тебе повезло. Ты – второй член нашей великой организации.

– Второй член? Это уже извращение. И что я должен делать?

– Ты должен просто слушать мои бредни и кивать головой.

– А срок потом на двоих поделим?

Сергей засмеялся и полез в холодильник за новой бутылкой пива.

– А с чего ты взял, что психология – слабое звено? – спросил Алеша.

– Голос с неба, – усмехнулся Сергей.

– А может с какого-нибудь другого места?

– Я уверен. Просто я уткнулся в забор. С тобой такое случалось? Посмотришь вокруг на всю эту ежедневную карусель и не видишь ничего кроме забора, потому что на самом деле ничего, кроме этого забора и нет. Но раз есть забор, то в нем обязательно должна быть дыра. Еще не придумали такие заборы, что бы в них не было дыр. И я просто вдруг понял, что наша горячо любимая психология и есть эта дыра в заборе. И что если хорошенько эту дыру потревожить, вся стена треснет и рухнет.

– А ты уверен, что будущее стоит того, что бы его вызывать? Может быть, нас в этом будущем не будет?

– Может быть, но я все равно хочу его увидеть, – ответил Сергей, – то, что я вижу каждый день, мне надоело. Мне кажется, что если будущее откликнется, то у нас и через нас наступит Ренессанс, эпоха Возрождения. Представляешь, в Тольятти появятся разные Микеланджело и Алигьери. И, главное, посреди всего этого благоухания – мы в пижамах и с пивом...

... – Насколько мне известно, с самого начала в вашей революционной борьбе вам активно помогал ваш друг Алексей Боткин? – спросил майор.

– Нет, не активно, – ответил Сергей, – мы просто друзья. Мы всегда друг другу помогаем. Он известный фотограф. Когда мы стали готовить рекламную кампанию, он немного помогал мне в креативе и бесплатно, на общественных началах, фотографировал Свету. Его не очень заинтересовала сама идея. Он помогал мне, только потому, что он мой друг. Постольку поскольку.

– Хорошо. А что вы скажите о предпринимателе Максиме Синицине. Почему он стал вашим спонсором?

- Не знаю. Просто захотел.
- А где он сейчас, вы случайно не знаете?
- Нет – опустив глаза, ответил Сергей.
- Говорят, он ушел в монастырь? – спросил следователь.
- Не знаю. Ничего. ...

Зазвонил телефон. Алеша открыл глаза. На часах было 9 утра. Алеша посмотрел на определитель номера. Звонили с телефона-автомата. "Надо было купить телефон с автоответчиком", – подумал Алеша и снял трубку.

– Я никого не разбудил? – раздался в трубке веселый и полный загадочного оптимизма голос Сергея.

- Кроме меня, – без интонации буркнул в трубку Алеша.
- Ты один?
- Абсолютно.

– Короче, давай через полчаса в "Пепси" у "Восхода". У меня новость на кучу банкнот. Алеша поморщился.

– Может быть, делатель куч, до меня добредешь? – спросил он.

– Какое на фиг к тебе, – возразил Сергей, – пора выходить на улицы и строить баррикады.

К черту там разные диваны, кровати и комнаты.

Алеша молчал.

– Аллёу, – смеясь, сказал Сергей, – обувай штаны и навстречу солнцу. На дворе лето. Короче, я жду.

Сергей повесил трубку. Алеша пошел умыться. Через 15 минут он уже был на улице. Летнее кафе с огромным логотипом "Пепси-Колы" было в 15 минутах ходьбы. Алеша успел выкурить сигарету. Кафе было пустым. Сергей сидел у самой ограды. На столе одиноко стояла большая кружка пива, а на одноразовой пластиковой тарелке лежала ошипанная сушеная рыба.

– Привет, партайгеноссе, – сказал Алеша, садясь напротив.

Сергей поздоровался.

– Пиво, рыба, бомба в кармане – джентльменский набор террориста? – усмехнулся Алеша.

– Я рад, что ты уже проснулся. Как твой заказ на полторы штуки?

– Нормально, – ответил Алеша, – завтра съемка. Но ты на эти деньги даже не рассчитывай. Это мое.

– Опять купишь себе лампочку?

– Что хочу, то и куплю.

– Если тебя интересует мое мнение...

– Меня оно не интересует, – оборвал друга Алеша.

– Хорошо. Если тебя не интересует мое мнение, то тратить полторы штуки на фотки и тратить полторы штуки на лампочки – это по шкале идиотизма примерно на одном уровне.

– Ок.

К ребятам подошла симпатичная официантка в синей пепси-коловской униформе. По всем приметам, она была студенткой на каникулах.

– Чем-нибудь могу быть полезной? – спросила девушка, переводя свой официально-доброжелательный взгляд с Алеши на Сергея.

– Пива, пожалуйста, – сказал Алеша.

– Какого пива?

– Такого же и столько же, – Алеша кивнул на бокал своего друга.

– Что-нибудь еще? – спросила официантка, улыбнувшись так, словно проверяла перед зеркалом очарование своей улыбки.

- А у вас есть еда? – спросил Алеша.
- Есть, – ответила официантка, – есть гамбургеры, чизбургеры, какие-то котлеты, салаты – девушка засмеялась. – Я, короче, не помню ничего. Давайте я вам меню принесу.
- Не надо, – улыбнулся Алеша, – принесите лучше фисташек пару упаковок и чизбургер один. Только подогрейте, пожалуйста. У вас же есть микроволновка?
- У нас не микроволновка, – сказала официантка, – у нас супер-микроволновка. А вы ничего больше не хотите? – спросила девушка Сергея.
- Пока ничего, – во все лицо улыбнулся Сергей.
- Хорошо, я скоро вернусь.
- Официантка вернулась к стойке.
- Какие девушки, – сказал Сергей, – через одну влюбиться можно.
- А переспать с каждой слабо? Зачем разбудил меня, дружбан? Скучно рыбу грызть в одиночестве?
- Нет, – Сергей хлебнул пива. – Раз ты такой деловой, перейдем к делу. Мне позвонили. Я был в редакции с утра. Звонок. Спрашивают меня. Мужчина. Представился, не помню как. Спросил я ли руководитель Революционного комитета? Я киваю. Он сказал, что прочитал статью, очень интересно, что он хотел бы финансово помочь нашей организации и соответственно хотел бы с нами встретиться. Договорились, что сегодня в три часа дня мы встречаемся. Помоему круто. Как ты думаешь?
- Алеша пожал плечами.
- Зачем ему это? – спросил он.
- Какая разница, – бодро ответил Сергей, – чудачкам у нас почет. Единственное, что не очень круто, – продолжил Сергей, – что нас всего двое. Еще подумает, что мы – бумажная контора. Нам хотя бы еще человека. Чисто для объема. Как бы руководящий орган, классическая тройка. Запрыгай и поехали. Как ты думаешь?
- И где мы возьмем третьего?
- Не знаю. Мне кажется, нам нужна девушка.
- Одна на двоих?
- Нет. Просто девушка. Солистка. Звезда экрана. Симпатичная, молодая, сексуальная.
- Почему девушка? – спросил Алеша.
- Ну, как. Понимаешь, два идиота – это просто два идиота, а два идиота плюс девушка с ногами – это уже рок-н-ролл.
- Пожалуйста, ваш завтрак, – официантка поставила на стол бокал пива, большое блюдо с фисташками и блюдо поменьше с чизбургером.
- Спасибо, – сказал Алеша.
- Если мало ли что, то я тут, – сказала девушка и вернулась к стойке.
- У тебя уже есть кандидатура? – сказал Алеша, продолжая разговор.
- Нет. И времени нет напрягаться. Любая девушка в правильной позе – суперзвезда. Оденет юбку покороче и будет угрюмо мотать головой. Сразу поймут, что террористка. Кстати, чем тебе наша официантка не красавица?
- Алеша повернулся и смерил взглядом официантку.
- Она попросит денег, – заключил он.
- Заплатим.
- Чем ты ей заплатишь? Своим обаянием?
- Хватит скептицизма, – сказал Сергей и поднял руку. – Девушка – громко позвал он официантку.
- Девушка оторвалась от стойки.
- Чем могу быть полезной? – спросила она.

– Нам еще по пиву, – сказал Сергей, – и еще у нас прямо сейчас возникло к вам предложение.

– Сексуальные услуги за деньги не оказываю, – с той же дежурной улыбкой ответила официантка. У Алеши сложилось впечатление, что девушка свою работу воспринимает, как игру. Она обслуживала и отвечала на вопросы, как котенок, бегающий за гремящей консервной банкой.

– Всё несколько сложнее, – продолжил Сергей. – Может быть, вы присядете на секундочку и мы вам в двух словах все объясним.

– На секундочку это куда? – спросила девушка.

Сергей не вставая, дотянулся до стоявшего у соседнего столика кресла и пододвинул его поближе к официантке. Девушка села.

– У нас с другом, – стал объяснять Сергей, – сегодня серьезная деловая встреча и нам нужна девушка для солидности.

– Что бы никто ни догадался о вашей ориентации? – спросила официантка.

– Нет, – улыбнулся Сергей, – ориентацию мы не скрываем. Тут другая история, если в двух словах, то ...

Сергей вкратце рассказал девушке о статье, о виртуальном Революционном комитете и о сегодняшнем звонке с предложением спонсорства.

– Нам нужен третий человек для солидности, желательна симпатичная, с мыслью в глазах, девушка. Пожалуйста, выручите. Если ничего у нас не получится, мы вам заплатим рублем 500, типа, чаевые, а если получится, и нам дадут денег, то заплатим больше.

– А что я должна буду делать? – с заинтересованностью спросила официантка.

– Ничего...

Официантку звали Светой. Она, как и предполагалось, была студенткой и перешла на второй курс в местном институте Сервиса. Света, чуть-чуть поломавшись, согласилась на предложение Сергея. Сергей вручил девушке газету со своей статьей, что бы она могла составить представление о тематике предстоящей встречи. Потом в кафе пришли посетители, и девушка отправилась их обслуживать. Ребята расплатились. Пора было действовать. Они пошли к Алеше и стали маскировать фотостудию под некий революционный офис. Но куски красной ткани, приколотые к стенам, смотрелись слишком убого, поэтому решено было оставить все, как есть. В 2 часа друзья зашли за Светой. Девушка отпросилась. В своем родном платье она смотрелась еще более. Платье было коротким, ноги длинными и стройными, а на лице появились очки в черной оправе, что было кстати.

– Если вы – сексуальные маньяки, то я вам этого не прощу, – сказала Света, когда они поднимались по лестнице на четвертый этаж.

В квартире Света успокоилась. Все схватили по бутылке пива и стали ждать. Пиво было нужно для изображения рабочей обстановки. В 15 минут четвертого в дверь позвонили. Открыл Сергей. На пороге стоял человек лет сорока, в костюме, галстук, больше похожий на вора-рецидивиста, чем на цивилизованного предпринимателя.

– Сергей Колчак? – спросил человек.

Сергей кивнул.

– Матвей Сеницын, – представился человек и, не дожидаясь приглашения, переступил порог. Сергей проводил гостя в студию, где сидели Алеша и Света. Сергей всех представил друг другу. Матвей сел на кресло.

– Что ж, привет, братки, – сказал бизнесмен, скользнув взглядом по своим собеседникам. – Случайно заглянул в газету, ждал товарища, заняться не чем было, и нарвался на вас. Озадачили вы меня. Уж я, на что с высшим образованием, а все равно озадачили. Захотелось посмотреть, кто вы, что вы. Ну и кто вы, если не секрет?

– По профессии? – не понял Сергей.

– Нет. Зачем мне профессии. Профессии не спасают от труда. И так все видно: студенты, офис-менеджеры, журналисты, короче, обслуживающий персонал 2-й категории.

– И кого же мы обслуживаем? – неожиданно вступила в разговор Света.

– Кого? – улыбнулся бизнесмен, – бандитов, кого еще. Вы уж не обижайтесь, братки, не я это придумал. Ты или сам бандит или обслуживающий персонал бандита, ну или совсем в жопе, короче. Вы только не обижайтесь. Я не люблю, когда обижаются. Я, вообще, хотел просто дать вам немножко денег, что бы наша любовь была взаимной. Но для начала надо на вас взглянуть, типа, не кидают ли по-братски в этом заведении. Это вы все, весь ваш комитет или только руководство?

– Ну, есть еще люди, но их можно пока не иметь в виду. Мы только начинаем, – уклончиво ответил Сергей.

– Да? – сказал Матвей и почесал затылок. Он явно не понял последнее предложение, – но вы хотите устроить революцию?

– Как получится – сказал Сергей.

– Это ты сказал, что, мол, дайте мне тысячу баксов и я взорву этот мир?

– Не тысячу, а десять тысяч, – поправил Сергей.

– Типа, я уже твой должник? – засмеялся бизнесмен.

– А зачем мы вам? – спросил Алеша, – Какой вам от нас толк?

– Да какой от вас может быть толк? – еще громче засмеялся бизнесмен. – Вы, небось, даже отсосать профессионально не сможете? Просто хочется поржать. Да и склонность у меня к меценатству. Знаете, я одно время хотел одну горячо любимую шлюшку раскрутить в шоу-бизнес, но я ее крутил в одну сторону, а она вертелась в другую. Скучота, короче получилась. А с вами глядишь и будет весело. Вы мне уже нравитесь. Я что-то вроде и представлял. Только я думал, что ты в очках будешь, – Матвей показал на Сергея.

– Вы хотите нас купить? – сурово спросила Света.

– Ой, – поморщился Матвей, – только не надо, пожалуйста, этих проститутских замашек. У меня на них аллергия.

– Вы прямо сейчас нам дадите деньги? – уточнил Алеша.

– Нет, зачем? – сказал бизнесмен. – Мы же не парке Юрского периода. Напишите бизнес-план, что, куда, почем. Вы – братки грамотные. Там посмотрим – поговорим.

– А на какие деньги мы можем рассчитывать? – спросил Сергей.

– Рассчитывать можете на любые, – пожал плечами Матвей, – а на практике, пишете, сколько надо, а я потом скажу сколько дам. Идет, братки? – сказал бизнесмен и взглянул на Свету, – обиделась что ли?

– Нет, – сказала Света. – А почему вы все время говорите братки, словно меня и нет здесь. Бизнесмен засмеялся.

– Не напрягайся, подружка, все проще, – сказал он. – Просто весь мир делится на братков и проститутков. Ты же не проститутка?

– Интересная квалификация, – сказал Сергей.

– По-моему, самая точная дележка людей, – согласился Матвей. – Бандит ты или прислуга – это сколько очков выпадет, а вот на проститутков у меня аллергия.

– Сейчас мы вам братки, а потом вы дадите нам денег, и мы станем проститутками? – не унималась Света.

– Тут главное не деньги, – терпеливо ответил Матвей, – просто есть люди с прайсом и люди без прайса. То есть у каждого, конечно, есть свой прайс, но у одних он на прямо на морде, а у других – в кармане среди прочих бумажек. Проститутка на всех смотрит сквозь прайс. Как у "Терминатора", сканирует взглядом: "сколько ты и почем", посмотрела на человека и в правом углу на дисплее сумма высветилась. А у братка прайс есть только потому, что у него

есть карман. Я не люблю проституток. Я люблю братков. Даже когда бабу себе покупаешь, хочется что бы она была братком.

В этот момент у Матвея зазвонил в кармане телефон.

– Ну, – сказал бизнесмен в трубку, – да. Ну и что, – потом с минуту молчал, слушая, что ему говорят, потом выключил телефон и положил обратно в карман.

– Фирму "Варшава" слышали?

Сергей кивнул.

– Я слышал, – сказал он, – автомобили продают.

– Да, – сказал Матвей, – и автомобили, и мебель, сейчас туризм еще. Короче, все это я.

Вот моя визитка. Звоните, как созреете.

Матвей достал из портмоне визитку и протянул ее Сергею.

– Давайте-ка, я вас тоже запишу – он достал листок и ручку. Сергей продиктовал свой рабочий телефон, а Света неожиданно продиктовала свой домашний.

– Вы только с предложением долго не тяните, – сказал бизнесмен, вставая, – а то, я могу и забыть или мало ли что.

Бизнесмен попрощался и ушел.

– Чудик редкий, – заключил Алеша, чеша затылок. Сергей в знак согласия кивнул головой.

– На себя посмотрите, – улыбнулась Света.

Сергей взглянул на Свету, молча достал из портмоне 500 рублей и протянул их девушке.

– Ты была самой революционной, – сказал Сергей.

– Вы больше ничего не хотите? – продолжая улыбаться, спросила Света...

Через два дня после первой встречи со спонсором Света уже ночевала у Сергея. Для Матвея Синицына был написан план рекламной кампании, которую тот, пролистав, утвердил. Ребята вписали в план все, что пришло в голову. Они особо и не рассчитывали, что план будет утвержден полностью. В план, помимо размещения и изготовления рекламных материалов, были включены услуги дизайнера, фотографа, фотомодели и креатора.

В начале мая, на Южном шоссе, самой оживленной магистрали города, связывающей Новый и Старый город, на одном из рекламных щитов, натканых вдоль всей дороги, появился новый банер. На белом фоне крупным шрифтом было написано "Долой психологию". Слово "Долой" было красным, "психологию" – черным. Банер сразу же привлек внимание своей непонятностью. О нем заговорили. В большинстве своем люди были уверены, что это реклама и что скоро под надписью появится адрес какого-нибудь магазина или торговая марка сигарет. Через неделю на первой полосе самой популярной местной газеты "Презент", бесплатно доставляемой в каждый почтовый ящик, на весь А4 формат появилась аналогичная надпись: "Долой Психологию". Многие пытались понять, чья же эта реклама. Никаких опознавательных знаков у слогана не было. Это же объявление вскоре появилось еще в двух бесплатно распространяемых газетах. Спустя неделю в центре Нового города, рядом с универсамом "Русь", по праву считающимся главной достопримечательностью города, был повешен еще один банер. Он был более вызывающим. «Убей психолога» было написано крупными буквами, а снизу маленькими приписано: "в себе". Народ стал возмущаться наглостью рекламщиков. Редакции газет стали получать возмущенные письма. Все по-прежнему были уверены, что это чья-то реклама. Профессиональные рекламисты пытались узнать, кто заказчик и кто автор этой темы. Эффективность кампании вызвала восхищение, но профессионалы были уверены, что вряд ли какой-нибудь товар или услугу можно будет точно спозиционировать с помощью столь резкого слогана. Через 2 недели банер на Южном шоссе был заменен фотографией девушки. Этой девушкой была Света. Она была в расстегнутой до пояса белой блузке, из-под которой был виден ярко красный бюстгалтер. Справа от девушки была надпись "Психология – наука

вчерашнего дня". В местных газетах тем временем появились новые объявления, такие как "Психология – наука о рабстве", "Ты есть то, что о тебе думает твой психолог". На объявлениях появилась девушка с банера. Наконец через 3 недели одновременно под всеми банерами и объявлениями появилась подпись: Революционный Комитет. Причем на банере, висящем около Руси слова "Убей психолога" стали красными, что еще больше их отделяло от общей фразы. С подписью "Революционный комитет" банер стал смотреться по-настоящему жутко. Было непонятно, как такой отважный призыв может почти месяц висеть в центре города. Особенно взволновались психологи. В большинстве своем это были вполне уважаемые люди, и видеть такие надписи было для них настоящим оскорблением. Практически каждая встреча местной ассоциации психологов начиналась и заканчивалась обсуждением этой "чудовищной белиберды", которая развешена повсюду. Когда же под надписями появилась подпись «Революционного комитет», презрение и ненависть, как это часто бывает, плавно превратились в страх. "А вдруг такие плакаты висят уже по всем городам, а вдруг завтра начнется резня или преследования?" Даже власти города, до которых, наконец, добрело народное возмущение, прежде чем, что-либо предпринять, связались с Москвой. Они решили уточнить, не запретили ли психологию во всероссийском масштабе и что им в таком случае делать. В Москве недолго покрутили у виска. Власти города еще пару деньков подумали и, в конце концов, дали указание антимонопольному комитету разобраться с ситуацией. Антимонопольный комитет стал искать заказчиков и сочинителей этой рекламы. Найти их не составило особого труда. Молодой человек, представившийся, как лидер Революционного Комитета пространно и доброжелательно объяснил, что они не коммерческая организация, что это не реклама, что они просто хотят донести до людей свои мировоззренческие позиции. Представительница антимонопольного комитета растерялась. Молодой человек, представившийся, как Сергей Колчак был симпатичным и эрудированным. Большую половину из того, что молодой человек вежливо объяснил, женщина вообще не поняла. А так как она в свое время в институте всегда имела по философии пять и даже умудрилась прочитать полное собрание сочинений Ницше в двух томах – ей было стыдно. Она чувствовала себя старой, глупой и отставшей. Она не знала, что ответить молодому человеку и поэтому, вежливо попрощавшись с ним, позвонила в ФСБ. Сотрудник ФСБ не был столь начитанным. Он послал Сергею Колчаку повестку и когда молодой человек стал говорить о своей гражданской позиции, сотрудник его прервал. Он сказал, что прежде чем что-то говорить организацию следует зарегистрировать. Молодой человек вместо предъявления документов стал говорить, что: "Мы – не экстремисты. Мы просто хотим донести до людей свои взгляды. Почему Гринпису можно размещать свою рекламу, а нам нельзя". "Потому что ваша реклама нарушает спокойствие людей" – ответил ФСБшник. "Спокойствие – сомнительная добродетель" – парировал молодой человек. "Слушайте, – сказал ФСБшник, – хватит дрочить. Скажите спасибо, что мы вас не арестовали. Скажите большое спасибо, что мы вас не арестовали. Откуда у вас деньги? Почему вашу рекламу финансирует автомобильная фирма? Если мы начнем разбираться, то мы вас разберем. Я вообще, могу с вами не разговаривать. Ваши банеры уже снимают, а газеты больше не будут принимать вашу рекламу. Вы уже вчерашний день, очень глупая история. Я просто хочу вам объяснить, что не надо никаких продолжений. Вам это не по карману. Что бы быть идиотом – нужны особые привилегии".

Сергей сразу перестал возмущаться, несколько раз кивнул головой и ушел домой. Он не был расстроен. Он спорил просто так, ради эксперимента. Его интересовала степень воздействия непонятных слов на людей, обслуживающих общественный порядок. Сергей понимал, что терпение общества должно кончиться, и его очень удивляло то, что на их ненормальную рекламу так долго никто не реагирует. К тому же за два дня до вызова в ФСБ, Матвей Синицин сказал, что ему все надоело, и что он хочет уйти в монастырь на послушание. За это время ребята успели сойтись с щедрым предпринимателем. Решение Матвея уйти в монастырь было очень странным и неожиданным, но вполне в его стиле. Матвей действительно оказался боль-

шим чудиком. Ребята на протяжении всей рекламной кампании ожидали, что Матвей чего-нибудь потребует от них взамен за регулярно перечисляемые деньги. Но Матвею было достаточно присутствий на съемках и участия в креативах. Его это каким-то образом очень веселило. От чего именно было Матвею весело, ребята могли только догадываться. Похоже, что предприниматель действительно поверил, что скоро произойдет какая-нибудь всемирная революция в отдельно взятом городе и что это будет безумно забавно. Но потом Матвей к затее ребят стал охладевать. Особенно после того, как он встретился со старцем в одном из мордовских монастырей. Эта встреча настолько впечатлила Матвея, что бизнесмен решил уйти в этот монастырь на послушание, а там, если будет угодно, и принять постриг. Спонсорская эпопея стала плавно заканчиваться. Матвей забрал свою долю в фирме, с большими уступками партнерам, чем их обрадовал. Деньги Матвей перевел в один из московских банков. Квартиру и машину он не стал продавать, на всякий случай.

На следующий день после разговора с ФСБ-шником Сергей поехал к Матвею домой, что бы попрощаться. Их банеры уже сняли. Вместо революционного лозунга над "Русью" красовалась реклама мебельного салона...

Матвей жил в элитном доме, расположенном в центре Нового города. У него была четырех комнатная квартира с евроремонтом, домашним кинотеатром и прочими жизненно необходимыми удобствами. Проживал он в ней чаще всего один. Сергей позвонил в домофон. Матвей был дома. Железная дверь открылась. Сергей прошел через вахту, поднялся на третий этаж. Входная дверь была открыта.

– Проходи, – сказал хозяин. Сергей прошел в гостиную. В гостиной сидел молодой человек с бородкой, длинными черными волосами, в очках.

– Знакомьтесь. Это – Михаил, знакомый семинарист, учится в Сергиевом Посаде.

Сергей кивнул и сел в предложенное кресло. На столике скоро появились 2 бутылки красного вина и 3 больших бокала. Слово за слово разговорились. Сергей рассказал о допросе в ФСБ и что их рекламная кампания запрещена.

– Что дальше собираешься делать? – спросил Матвей. – Если деньги нужны, то бери. У меня сейчас есть. Только напиши зачем.

– Деньги не нужны, – ответил Сергей. – Мы пока будем просто митинги устраивать. У нас же появились активисты, добровольцы. Так что можно переходить к боевым действиям. В принципе, все уже не так интересно. Когда появляются последователи, собственные мысли начинают не очень хорошо пахнуть.

– Зачем тогда митинги? – спросил Матвей.

– Все также долблю в забор, – ответил Сергей. – Авось что-нибудь выйдет.

– А Михаил нас критикует с этой затеей, – сказал Матвей, разливая вино. – Говорит, что не зацепили тему.

– Нет, – вступил в разговор Михаил, – я не критикую. Я просто сказал, что это может быть опасно и неправильно. Будущее не старик Хоттабыч. Оно не станет исполнять желания.

Сергей повернулся к Михаилу. Он еще никогда не общался с людьми церкви. Ему было любопытно.

– Знаете, мне кажется, – стал объяснять Сергей – что новый мир должен формулироваться в одном слове, в одном символе. Мне просто хочется узнать это слово. Просто узнать слово. Я думаю, что если моя затея удастся, то Тольятти станет, чем-то вроде Флоренции в Ренессансе. Если в заборе появится дырка, то потянет сквознячком, свежим воздухом. А на свежем воздухе дышится по-другому. Осталось только узнать слово. Наверняка, это слово есть в каждом словаре и я его уже говорил тысячу раз, но понятие не имел, что это именно то слово. Вы так не думаете?

– Может быть, существует, а, может быть, и нет, – сказал Михаил, – в любом случае ваш оптимизм по поводу Ренессанса в Тольятти слишком... извилист, что ли.

Они сидели, пока не выпили все вино, разговаривали на разные темы, про Россию, про психологию, про будущее. Матвей уже собрал вещи. Сергей смотрел на него и думал, до чего же странными бывают люди...

Зазвонил телефон. Хозяйки дома не было. Брать трубку было некому. Телефон звонил долго. Сергей лежал на диване и пытался не обращать внимания на звонок. По этому номеру ему не звонили. Хозяйка не разрешала. Телефон замолчал, но тут же зазвонил снова. Сергей не выдержал, подошел к телефону и снял трубку.

– Да, – сказал он нейтральным голосом.

– Это господин Колчак? – ответили с другого конца.

– Да, – удивился Сергей.

– У меня есть для вас приз.

– Приз? – не понял Сергей.

– Это касается вашей революции.

Голос выдавал пожилого человека. "Сумасшедший пенсионер", – подумал Сергей.

– Я давно ждал чего-то подобного, – продолжил голос с той стороны, – но ваша наивность пугает даже меня. Рекомендую вам встретиться со мной.

– Вы кто?

– Я человек оттуда, – ответил голос в трубке.

Сергей молчал.

– Не играйте в жмурки на минном поле, – прокричал старик.

– Хорошо. Давайте встретимся, – сказал Сергей.

– А вы не боитесь?

– А я должен бояться?

– Вы удивительно наивны.

– Подождите, – недовольно сказал Сергей, – насколько я наивный вас не касается. Если вы хотите встретиться, то хоть сейчас, а заниматься сексом по телефону я не люблю.

Теперь замолчали с той стороны.

– Эй, – примирительно сказал Сергей, – я не хотел вас обидеть.

– Записывайте, – тотчас отозвался голос, – проспект Степана Разина, дом 56, квартира 104, через 2 часа.

В трубке пошли гудки. Сергей быстро записал в блокнот адрес и посмотрел на часы. Было 11 часов утра. Он вчера поздно лег спать и хотел сегодня поваляться подольше. Нежданный звонок сбил все планы. Надо было идти, хотя бы за тем, что бы потом не жалеть о том, что не ходил. Сергей полез под кровать за дежурной банкой пива. Чем больше он думал о предстоящей встрече, тем более важной она ему казалась.

– Он оттуда, – сказал Сергей сам себе вслух. Сергей нашел карту города и отыскивал нужный дом. Добраться туда, можно было минут за 15-20, если на общественном транспорте. Сергей стал одеваться...

Когда Сергей нашел нужный дом, прошел час 45 минут с момента звонка. Сергей отыскивал подъезд, сел на лавочку и закурил. Докурив, он зашел в подъезд. Квартира была на 4 этаже. Дверь была стандартная, деревянная. Сергей позвонил в звонок. Никто не открывал. Сергей позвонил еще раз. За дверью послышался шорох. Дверь открылась.

– Проходите, – раздалось из-за двери. Сергей вошел. В коридоре было темно. Хозяин, повернувшись к Сергею спиной, быстро прошагал в комнату.

– Проходите, – повторил старик. Сергей разулся и прошел. Квартира была не богатой. Перекошенный шкаф стоял у стенки и занимал почти половину комнаты. Хозяин уже сидел на

кресле, в углу дальнем от окна. Это был обыкновенный старик, пенсионер. Еще более старый, чем представлял себе Сергей. Старик жестом показал на диван, стоящий напротив. Сергей сел.

– Юрий Алексеевич, – представился старик.

– Очень приятно, – сказал Сергей. – Что вы хотели?

– Я хотел сказать вам...

– Что? – спросил Сергей, когда пауза затянулась.

– Что бы победить психологию – надо превратить ее в ноль, – тут же сказал старик, – а что бы превратить ее в ноль, надо знать ее противоположность.

– Противоположность? – глупо переспросил Сергей.

– Да, – продолжил старик, – вы никогда не задумывались о том, что такое противоположность? А вам бы следовало об этом подумать, прежде чем стучаться, куда не попадая. Это гораздо важнее, чем все ваши детские аргументы.

– И что же такое противоположность?

– А вы подумайте сами. Вот скажем, что является противоположностью нуля – ноль или бесконечность?

– Наверное, бесконечность.

– Да? А вы хорошо подумали? Хорошо, а что же тогда является противоположностью, скажем, 10?

Сергей задумался.

– Наверное, минус 10.

– Хорошо, допустим, что так. А что же тогда является противоположностью вас?

Сергей пожал плечами.

– Если вас сложить с вашей противоположностью, то получится ноль и вашей противоположностью тогда может стать или ноль или бесконечность в зависимости от того, на какой ноль вас поделят. Так что же, по-вашему, является противоположностью психологии?

Сергей почесал затылок.

– Четно говоря, я не очень слежу за вашей логикой. Надеюсь, это не проверка на сообразительность? – сказал Сергей.

– Нет, – сказал старик, – это не проверка. Это просто вопросы, навязчивые подсказки. Хочешь уйти отсюда – падай. Если ты не умеешь падать, ты всегда будешь стоять перед собственным отражением и корчить рожицы. Безусловно, ты увидишь много интересного. Ты хочешь уйти, выбыть из турнира, но что бы выбыть из турнира, надо проиграть. Просто проиграть, а ты дерешься за победу. И ты, безусловно, победишь, потому что ты один на ринге. Если ты не потеряешь равновесие, все это будет бессмысленно.

– Что значит «потерять равновесие»? – спросил Сергей.

– Знаешь, бывают такие фокусы: чем больше спрашиваешь, тем меньше шансов найти ответ.

Сергей хмыкнул.

– Это фокус, – продолжил старик. – Ты решил поиграть, но ты уже проиграл, потому что думал, что это всего лишь игра. Ты подумай. Какие ассоциации у тебя вызывает первая часть 5-й симфонии Бетховена? Рок, шторм, война?

– Я не знаю. Я не знаю симфонии.

Старик засмеялся.

– Меня зовут Юрий Алексеевич, – сказал он, – откуда берутся ассоциации? Что связывает абсолютно разные вещи? Ля-минор и ультрамарин? Ассоциации – это догадка, но догадка о чем?

Сергей молчал. Он не знал, что сказать.

– А если завтра придет некто в шапке-невидимке и начнет резать психологов, ты поймешь ассоциацию?

Сергей пожал плечами.

– Скорее некто в черном капюшоне и с блестящей косой, – продолжил старик. Сергей молчал. – Я все разложил перед тобой. Попробуй теперь собрать...

Еще в то время, когда призыв убивать психологов красовался по всему городу, Сергей познакомился со студентом первого курса политехнического института Павлом Павленко. Павел был маленьким прыщавым подростком с небольшой головой и жилистыми руками. Павел настойчиво предложил Сергею ознакомиться со толстой тетрадкой, в которую он красивым почерком записывал свои мысли по поводу статьи "Революция по-тольяттински". Эта статья покачнула мировоззрение молодого человека. Записи были восторженно-аналитическими, местами проза сменялась внезапной поэзией. Сергей, несмотря на то, что порадовался появившемуся последователю, так и не смог дочитать тетрадь до конца. Уже на второй странице было понятно, что ждать хоть какого-нибудь проблеска бессмысленно. Через неделю Павел привел к Сергею двух своих друзей и одну бабушку-коммунистку. Они тоже хотели вступить в Революционный комитет. Сергей на время воодушевившись провел у Алеши организационное собрание. Сам Алеша ушел в кино, несмотря на обещания Сергея, что будет весело. Весело не было. Собрание было похоже на унылую импровизацию клоунов-пенсионеров. Но решения были приняты. Решили собирать членские взносы в размере 50 рублей в месяц, увеличить ряды и проводить митинги.

Ряды действительно стали увеличиваться. К тому времени, как антипсихологическая реклама была запрещена, в революционном комитете уже насчитывалось 15 человек, включая, Алешу и Свету.

После запрета рекламы Революционный комитет решил перейти на митинги протеста. Первый митинг был предварительным. Его провел Паша самостоятельно, даже не предупредив Сергея. Пять самых активных деятелей движения собрались на главном городском рынке в субботний день, когда там особенно многолюдно. Активисты развернули большой плакат, на котором черной тушью было намалеван лозунг: "Долой психологию". Паша стал кричать в мегафон, одолженный у друга, тезисы о губительном воздействии психологии. Потом пошел дождь. Кричать тезисы стало стрёмно. Шоу не получалось. Митинг закончился ничем. Паша, пришел к Сергею и проинформировал о проделанной работе. Он настаивал на проведении настоящего митинга. Сергей согласился. Они решили проводить митинги не в местах продажи товаров, а в местах городского отдыха, где больше зевак. Само собой был выбран городской парк. Митинг назначили на воскресенье 14 июля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.